

Пробуждение

Первое, что я отчетливо помню, — это чувство некоторой растерянности.

По многим причинам: мне уже не было двадцати двух лет (по крайней мере, если судить по моим пухлым рукам, размытому зрению и концентрации внимания комара), вокруг бродили другие дети, взрослые вокруг меня не говорили на языке моей родной страны, и меня завораживал яркий оранжевый деревянный куб.

Не поймите меня неправильно, я обычно не презираю оранжевый цвет, дерево или правильные геометрические трехмерные объекты, это действительно увлекательно, но до того, как я впервые вспомнил об этом в такой сжатой форме, я почти уверен, что собирался представить свою диссертацию на степень бакалавра по истории.

Отсюда и родилось мое замешательство.

Это определенно не сон Это определенно не сон, просто потому что если вы можете думать о пребывании во сне, а затем во время сна, то легко отличить это от реальности. По крайней мере, это то, что я всегда мог сделать.

Мое замешательство постепенно сменилось растущей паникой.

ЧТО ЗА ХЕРНЯ!?

Я почти задыхался, и, господи, разве это не глупость? Другие дети заметили бы, что со мной что-то не так, да и взрослые тоже, и я бы оказался в какой-нибудь секретной военной лаборатории, где меня по какой-то причине препарировуют.

Потому что, серьезно, что еще это могло быть? Мне не было двух лет! И все же я определенно выглядел как таковой. Я заставил себя успокоиться.

Оглядевшись вокруг, я заметил явную нехватку камер, солдат и даже сумасшедших ученых.

Возможно, камеры были слишком маленькими, поэтому я не мог начать изучать окружающую среду, как взрослый параноик, которым я и был.

Повинуясь внутреннему чувству, я провела следующие часы, плакала, играла и бессмысленно бродила на своих нетвердых ногах, сливаясь с другими детьми.

Насколько я могу судить, это были обычные надоедливые малыши, и мне показалось, что они находятся в каком-то приюте.

Я не ненавидел детей, я был таким же слюнтявым месивом в их возрасте, но это поднимало другие вопросы. Например, почему я был единственным взрослым в маскировке? И почему они все говорили на языке, который мой ограниченный опыт с аниме определил как японский?

Не то чтобы с Японией было что-то не так, просто я всегда думал, что странные эксперименты по пересадке органов взрослых в детей больше подходят Америке.

Другая проблема заключалась в том, что я не мог читать по-японски. Это означало, что даже если бы мне удалось как-то найти случайный документ, который все объяснял, я бы его не понял. Я только надеялся, что официальные документы будут на английском.

В конце концов, я не был достаточно хорошо экипирован, чтобы провести надлежащее

расследование.

Единственным выходом для меня было залечь на дно, пока мое тело не взяло верх над разумом, и я не нашел способ сбежать.

То есть в худшем случае.

В течение некоторого времени, которое я с трудом могу определить, возможно, это длилось несколько месяцев или год, я старался оставаться незамеченным.

Я начал узнавать некоторые слова, и тайны японского языка постепенно начали раскрываться передо мной.

Однако в приюте были некоторые несоответствия, например, деревянные полы, которые я считал чем-то, поскольку они казались гораздо более подходящими для более изысканной обстановки. Тем не менее, еда была плохой.

Я имею в виду, если вы можете позволить себе и шикарные деревянные полы, и уход за ними, то вы можете позволить себе что-то другое, чем рис в каждом гребаном приеме пищи.

Хлеб! Мне нужен был хлеб и сыр! А что не так с рыбой? Она была везде! Иногда свинина, ладно. ? А как насчет говядины? Черт, паста! Равиоли! Да что угодно! Мне нужно было что-то, что хотя бы могло напомнить, имело некоторое сходство с итальянской едой!

Я мог бы обойтись лапшой, лапша была восхитительна, но это было не то.

Имена других детей я редко мог произнести правильно, по крайней мере, пока мне не исполнилось (следуя своей интуиции) четыре года. Где-то в районе моего «четвертого» дня рождения японский язык внезапно щелкнул, ритм языка встал на место на моем языке, и я начал думать по-японски.

Именно тогда я понял, что у меня уже есть репутация тупицы, это было тонко, но то, как заведующая приюта ждала еще немного, чтобы я ответил на ее вопросы, было достаточным доказательством.

Извините, если мне пришлось самостоятельно изучать совершенно новый язык. Я тогда с горечью подумал, прежде чем понял, что это может быть чем-то, что еще больше скроет меня от испытующих глаз.

Еще одной странностью, которую я заметил, было полное отсутствие газет и телевидения, к которому мы, сироты, имели бы доступ.

И еще игры; нигде не было ни одной западной шахматной доски, или монополии, если уж на то пошло, то даже монополии. Все книги, к которым дети имели доступ, были заполнены до краев ниндзя, или, реже, самураями.

Животные и деревья все еще были там, и хотя мне никогда не разрешалось покидать территорию приюта, я ни разу не слышал шума двигателей и не видел ни одного самолета, пересекающего небо.

Моя тупость не позволяла мне показываться случайным родителям, желающим усыновить ребенка, но это не мешало мне узнавать их одежду: часто это были какие-то кимоно, почти всегда в сопровождении сандалий. Я думал, что живу в каком-то заповеднике амишей в глуши.

Мне было, наверное, лет пять, когда я увидел это в первый раз. Не случайно я не замечал этого до тех пор, ведь двор приюта не выходил на склон горы. Но как только мне разрешили покинуть территорию приюта, это стало очевидным, неизбежным. Это была чушь.

Это был солнечный, безоблачный день. Поздняя осень, я бы сказал. Мы были в том времени года, которое не принадлежало ни лету, ни зиме. Время, когда утра становились холоднее, а дни короче.

Вероятно, мой вопрос к надзирательнице, как писать мое имя, накануне помог ей решить разрешить мне пойти поиграть в парк со старшими детьми. Это был странный момент.

Я сидел один под окном, рассеянно водя пальцами по нескольким буквам кандзи в иллюстрированной книге. Я пытался их расшифровать, но, кроме распознавания одного и того же символа здесь и там, мне мало что удавалось.

Из ниоткуда мне через плечо наклонилась воспитательница приюта: «Читаем, да?»

Я призвал на помощь всю свою миловидность и уставился на нее широко раскрытыми глазами, схватив свой японский язык и связав его воедино, как я надеялся, в: «Научи меня?»

Это сработало. Женщина улыбнулась и взъерошила мне волосы, заставив меня озорно улыбнуться. Она решила научить меня только писать свое имя. Я отнесся к этому скептически, но оказалось, что научиться писать оказалось сложнее, чем я себе представлял.

Меня звали Дайки, и женщина показала мне, что (дай) означает «большой, великий» в сочетании с (ки) означает «яркость», или (ки) означает «дерево», или даже (ки) означает «ценный».

Она сказала мне, что, хотя все они звучат одинаково, их значение сильно различается.

Она сказала мне, что я «большое дерево». Мне было все равно, это мое имя, я, черт возьми, напишу его так, как захочу.

И хотя мне пришлось сдержаться и не закатить глаза от ее покровительственного тона, я нашел идею кандзи просто прекрасной. О, это было совсем неэффективно, я знал это.

Э... этот алфавит был необычайно универсален и точен. Но, по моему мнению, ему не хватало утонченной элегантности, на которую были способны кандзи. Я спросил ее, может ли она научить меня писать правильно, и это, я думаю, удивило ее.

Она сказала мне, что я могу начать учиться на следующей неделе. Мне нужно было наверстать упущенное за пару месяцев, но я мог сидеть вместе с другими шестилетними детьми.

Вернемся к нам. После того, как я проявил то, что, как я полагаю, можно назвать зрелостью, мне разрешили поиграть в парке на другой стороне дороги.

К счастью, но, возможно, из-за моего частого пустого выражения лица (неестественного для ребенка) или общей тишины, другие дети, как правило, оставляли меня в покое, а надзирательница, помимо случайных проявлений доброты, была слишком занята, чтобы пристально за мной присматривать. Так что мое общее одиночество, колеблющееся между нервным и желанным, оставалось незамеченным.

Вот тогда я понял, что переродился в какой-то культ. Серьезно, какого чёрта там должна быть

гора Рашмор с персонажами аниме на северной стороне города?

Все несоответствия сошлись таким образом. Всё сошлось. Магическое возрождение там вызвало в моём сознании застенчивое возражение. Я прочитал достаточно фанфиков, чтобы распознать начало SI-OC в Наруто, когда я был в нём в главной роли.

Я уставился на монумент, который был торговой маркой Konohagakure no Sato, казалось, всю жизнь. Моя кровь прилила к ушам, и я мог слышать только биение своего сердца. Я заставил себя оглядеться и попытаться выяснить, был ли это всего лишь момент большого движения косплея или нет.

В парке был низкий деревянный забор и несколько скамеек, обилие кустов и жидких деревьев, горки и даже песочница. Я немного погуляла на своих коротких ногах, мимоходом заметив, что большинство девочек были в оборчатых платьях и джемперах, в то время как мальчики (включая меня) носили какие-то брюки-карго и спортивные костюмы, прикрывающие торс.

Популярность сандалий была умопомрачительной, даже если бы я и хотел, у меня не было выбора, кроме как плыть по течению. Все, что мы, сироты, носили, было подержанной одеждой, но материал был прочным и умудрялся сохранять тепло. Я не мог жаловаться.

Повсюду между кондоминиумами росли деревья, и хотя не было видно ни единого облачка, листья кружились над нашими головами.

Оглядываясь назад, даже сектанты не давали детям деревянные кунаи для игры. Или давали? После просмотра "Последователей" я подумал, что для сектанта все возможно.

Шум нарушил тишину детских ссор, и, обернувшись, я увидел троих детей постарше, идущих по дороге и смеющихся между собой. Я сразу узнал их хитай-атэ (защиту лба).

У них были незапоминающиеся лица, и они двигались... ну, как гражданские, на самом деле, без проявления магических сил чакры любого рода. Я начал расслабляться. Это всего лишь культ Наруто. Я подумал, с некоторым облегчением.

Ситуация все еще имела много проблем и вопросов, которые мне нужно было решить, но мне приходилось иметь дело с людьми, без странного дерьма. Физика все еще была реальной, и я не собирался посещать Хогвартс, мне не нужно было искать странное кольцо, чтобы бросить его в действующий вулкан. Выжить было возможно.

Я моргнул, и в порыве ветра перед ними появился человек с блестящим Hitai-ate, напугав всех до чертиков. Вероятно, троица сделала какую-то херню, у меня в голове были другие мысли, которые бушевали. Это реально. прозвучало в моей голове.

Я побрел к пустому участку кустов и выbleвал остатки своего обеда. Дерьмо, дерьмо, дерьмо, дерьмо, хуже быть не может, дерьмо, дерьмо, дерьмо, дерьмо.

«Эй, ты съел слизняка?» — спросил один ребенок, вызвав взрыв смеха у других детей, которые выбрали именно этот момент, чтобы посмотреть на меня.

Я поднял глаза от своей рвоты, чтобы посмотреть на смеющихся детей, прежде чем остановить свой взгляд на том, который представлял собой такой утонченный пример юмора.

«Да», — невозмутимо ответил я. «Да, я съел слизняка».

<http://tl.rulate.ru/book/109951/4514729>